

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

О ПОЛОВЦАХ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Новичихин А. М.

POLOVTSIANS
IN NORTHEASTERN GREATER
BLACK SEA AREA

NOVICHIKHIN A. M.

Распространенное мнение исследователей о проникновении в XIII в. в земли адыгов половецких племен основано на интерпретации археологического материала. Для дополнительной аргументации этой исторической реконструкции предлагается привлечь некоторые письменные источники, указывающие на то, что Северо-Восточное Причерноморье стало тем регионом, где половцы нашли спасение от монголо-татарских орд.

Wide-spread view of researches, concerning Polovtsians' intrusion into Circassians' land in the XIII century is based on archaeological evidence. Speaking in favour of the given historic event, the author uses some written sources, proving that Polovtsians have found refuge from Tatar-Mongol Horde in Northeastern Greater Black Sea Area.

Ключевые слова: половцы, адыги, Северо-Восточное Причерноморье, XIII век.

УДК 902.24:930.2

Археологические раскопки средневековых могильников в районе Анапы, Новороссийска и Геленджика, ведущиеся уже более столетия, дали в распоряжение исследователей важные материалы по этнической истории Северо-Восточного Причерноморья.

Начало изучению этих памятников было положено еще в 1880-х гг. работами В. И. Сизова [1]. В конце XIX в. средневековые курганы в этом регионе раскапывали Н. И. Веселовский и Ю. А. Кулаковский [2]. В первых десятилетиях XX в. их изучение продолжили В. Саханев и Г. Ф. Чайковский [3].

Накопленный к середине XX в. материал позволил Е. П. Алексеевой и М. Л. Стрельченко в конце 1950—1960-х гг. выделить восточнопричерноморскую (по Е. П. Алексеевой) или анапско-геленджикскую (по М. Л. Стрельченко) локальную группу курганных могильников XII—XV вв. Характерными особенностями этой группы являются захоронения в каменных ящиках, содержащих останки четырех-пяти погребенных, помещенных в могилу вытянуто на спине и ориентированных по сторонам света (чаще всего головой на север и запад). Над каменными гробницами возведены курганные насыпи, огражденные по основанию вертикально поставленными каменными плитами, образующими круг или квадрат. Древности этой локальной группы аргументировано атрибутированы как адыгские [4].

В последующие десятилетия количество погребальных памятников XII—XV вв. в Северо-Восточном Причерноморье значительно увеличилось благодаря исследованиям в районе Анапы [5], Новороссийска [6] и Геленджика [7].

Уже В. И. Сизов, интерпретируя раскопанные им курганы, отмечал среди них комплексы с явными кочевническими элементами [8]. Кочевнические захоронения выделял среди раскопанных в окрестностях Анапы курганов и Н. И. Веселовский [9].

В конце 1950—1960 гг. в работах С. А. Плетневой и Г. А. Федорова-Давыдова курганные погребения района Анапы—Новороссийска были отнесены к половецким [10]. Наличие в некоторых из них

каменных ящиков («каменных гробов») С. А. Плетнева объясняла влиянием местных (адыгских) племен [11]. Г. А. Федоров-Давыдов выделял половецкие погребения из адыго-черкесских по наличию в них «конских частей, костяка коня или конской сбруи» [12].

Однако, как уже отмечалось выше, практически в то же время Е. П. Алексеева и М. Л. Стрельченко убедительно доказали принадлежность большинства этих памятников адыгам [13]. Впрочем, Е. П. Алексеева отмечала кочевнический облик отдельных комплексов XII—XIV вв. (совершенные в грунтовых могилах под земляными насыпями, содержащие захоронения коня) и считала возможным относить их к половецким [14].

Вновь интерес к кочевническим элементам в курганах Северо-Восточного Причерноморья возник в конце 1980—1990-х гг.

В 1988 г. А. В. Дмитриев, проанализировав открытые к этому времени в районе Новороссийска средневековые погребения, в особенности погребения с конем, выделил среди них значительное число кочевнических. Кроме сопровождающих захоронений снаряженных коней, признаками этой группы он считает «О-образные» (овальнорамчатые — А. Н.) кресала, узкие вытянутые деревянные гребни, штыри с кольцами, парные набедренные кольца для крепления поножей, кольчужные шлемы-шапочки и другие предметы, хорошо известные по изображениям на половецких каменных изваяниях, в т. ч. найденных на Кубани [15].

По мнению А. В. Дмитриева, именно половецкими был принесен в Северо-Восточное Причерноморье обычай возведения над могилами курганных насыпей, впоследствии воспринятый адыгами. Причиной их массового проникновения в этот район исследователь считает бегство сюда «кочевников самых разных групп, входивших в половецкий племенной союз», спасавшихся от вторжений в их земли монголо-татар в первой половине XIII в. [16].

Наличие в районе Новороссийска кочевнических памятников подтвердили последующие раскопки средневекового некрополя в Цемдолине. Авторы публикации материалов этого интересного памятника Е. А. Армарчук и А. А. Малышев отмечают кочевнические элементы в большинстве из открытых 43 погребений. Три захоронения, сопровождавшиеся конем, по ряду признаков определяются как собственно половецкие. Появление кочевников в Северо-

Восточном Причерноморье исследователи связывают с уходом сюда половцев после разгрома, нанесенного им монголами во время походов Менгу-хана в 1236—1242 гг. [17].

Мнение указанных авторов об уходе части половцев на Черноморское побережье в «район Новороссийска и Анапы» разделяет Ю. В. Зеленский, который связывает его с разгромом, нанесенным северо-причерноморским кочевникам отрядами Джебе и Субэдея в 1222—1223 гг. [18].

Обилие курганных могильников XIII—XIV вв. в окрестностях Новороссийска А. В. Шишлов также объясняет стремлением отдельных племен найти убежище в связи с «неспокойной обстановкой в Прикубанских степях» [19].

Как видно из приведенного обзора, выводы исследователей о массовом проникновении половцев в первой половине XIII в. в Северо-Восточное Причерноморье основаны преимущественно на данных археологии, и лишь в незначительной степени на письменных источниках. Причем последние содержат информацию, скорее, общеисторического характера, нежели сообщают о каких-то событиях, непосредственно связанных с этим регионом.

В этой связи следует обратить внимание на два сообщения средневековых авторов о том, что именно Северо-Восточное Причерноморье стало в XIII в. прибежищем для потерпевших поражение половцев. Эти свидетельства уже рассматривались Л. И. Лавровым при решении вопроса о происхождении тюркоязычных народов Северного Кавказа [20], но применительно к истории интересующего нас региона они пока не привлекались.

Так арабский писатель XIII в. Ибн-ал-Асир, описывая события 1221—1223 гг., сообщает что кипчаки (половцы) после разгрома, учиненного им монголо-татарами, «бежали в болота и на вершины гор», «одни укрылись в болотах, другие — в горах, а иные в стране русских» [21]. Это сообщение дополняет более поздний автор Абу-л-Гази, писавший в XVII в. на основе более ранних источников, что большинство разбитых монголами половцев «ушло в юрт черкесов и туманов» [22].

По мнению Л. И. Лаврова, под «высокими горами» и «юртом черкесов», несомненно, следует подразумевать земли адыгов. Что же касается болот и «юрта туманов», то Л. И. Лавров связывал их с Куманией в болотистых низовьях Терека,

где в средние века находился город с названием Тюмень [23].

С наименьшим основанием под болотами и «юртом туманов» можно подразумевать не менее болотистые низовья Кубани и Тамань. Примечательно, что по-адыгейски «темэн» означает «болото» [24]. Рядом с Таманью — в Горном Закубанье и на Черноморском побережье вполне локализуются и «высокие горы» и «юрт черкесов».

Надо полагать, что именно этот район — низовья Кубани, прилегающие к ним горы и Черноморское побережье на участке Анапа—Новороссийск-Геленджик и стали тем местом, куда, по сообщениям Ибн-ал-Асира и Абу-л-Гази, бежали после событий 1221—1223 гг. потерпевшие поражение половцы.

Судя по всему, еще один приток кочевников в Северо-Восточное Причерноморье был вызван и трагическими событиями, связанными с походами Менгу-хана в 1236—1240 гг. Разгром, нанесенный монголо-татарами половцам, был еще более ощутимым, чем за полтора десятилетия до этого [25]. По наблюдениям С. Н. Малахова, после 1236—1237 гг. половцы не упоминаются в русских летописях [26]. Часть половцев после поражения слилась с завоевателями [27], но значительное число кочевников, видимо, вновь нашло спасение в труднодоступных горах Закубанья и Черноморского побережья.

Возможно, с преследованием укрывшихся в «юрте черкесов» половцев связан известный, по сообщению персидского историка начала XIV в. Рашид-ад-Дина, по-

ход царевичей Менгу-Хана и Кадана на Кавказ осенью 1237 — зимой 1238 г. Согласно этому свидетельству, монголы «пошли походом на черкесов и зимою убили государя тамошнего по имени Тукара». По сведениям других источников, после этого похода адыги остались неподвластными монголам [28].

Как уже отмечалось, к числу привнесенных кочевнических элементов исследователи относят появление у адыгов Северо-Восточного Причерноморья традиции возведения над могилой курганной насыпи, обычая сопровождения погребенного воина захоронением коня, а также распространение некоторых ранее не известных на данной территории предметов материальной культуры [29]. К числу последних относятся овально-рамчатые кресала, штыри с кольцами, некоторых виды шлемов [30], а также кочевнические серьги с напускным шариком, традиция изготовления которых прослеживается у местного адыгского (или адыго-половецкого) населения вплоть до XIV в. [31].

Археологические исследования на Черноморском побережье продолжаются. Вероятно, в будущем, с накоплением новых данных, появится возможность выявить в памятниках региона новые элементы, принесенные сюда в первой половине XIII в. кочевниками. Это позволит обратиться к решению других проблем этнической истории Северо-Восточного Причерноморья и, быть может, даст возможность выяснить, остатки каких именно половецких орд нашли здесь спасение.

Примечания

1. Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. 1889. II. С. 56—173.
2. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1894 г. СПб., 1895. С. 82—86; Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1895 г. СПб., 1897. С. 27, 28, 96, 97, 135—137.
3. Саханев В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. / В. Саханев // Известия Императорской Археологической Комиссии. 1914. Вып. 56. С. 75—208; Чайковский Г. Ф. Случайные находки древностей в 1924—1927 гг. на Черноморском побережье / Г. Ф. Чайковский // Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии. Кн. I. Т. III. Вып. 3—4. Ростов н/Д, 1927—1928. С. 75—77.
4. Алексеева Е. П. Очерки по истории черкесов в XIV—XV вв. // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. 1959. Вып. III. С. 16; Она же. Материальная культура черкесов в средние века (По данным археологии) // Там же. 1964. Вып. IV. С. 171; Стрельченко М. Г. Материальная культура адыгейских племен Северо-Западного Кавказа в XIII—XV вв.: автореф. дис. канд. истор. наук. Л., 1969. С. 5.
5. Салов А. И. Материалы для археологической карты Анапского района // Краткие сообщения Института археологии. 1979. Вып. 159. С. 98—102; Алексеева Е. М., Шавырин А. С. Исследования в Анапе и Анапском районе // Археологические открытия 1979 г. М.: Наука, 1980. С. 92; Новичихин А. М. Новые данные о средневековых археологических памятниках в окрестностях станицы Гостагаевской // Древности Кубани и Черноморья (*Studia Pontocausica*, I). Краснодар, 1993. С. 138—145; Он же. Материалы эпохи позднего средневековья из могильника на р. Куматырь // Историко-археологический альманах.

- Вып. 2. Армавир—М., 1996. С. 119—122; Он же. Курганное погребение XIV в. в окрестностях станицы Натухаевской // Историко-археологический альманах. Вып. 8. Армавир—М., 2002. С. 71—74.
6. Дмитриев А. В. Памятники XIII—XV веков в районе Новороссийска—Геленджика // IX «Крупновские чтения». Элиста, 1979. С. 50—51; Он же. Проблема изучения средневековых памятников в районе Новороссийска // Материалы к научно-практическому семинару археологов на тему: «Итоги полевых исследований археологических памятников Краснодарского края в 1982—1983 гг. и задачи на 1984—1985 гг.». Краснодар, 1984. С. 8—9; Он же. К вопросу об этнической принадлежности погребений с конем в средневековых курганах в районе Новороссийска // XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Махачкала, 1988. С. 77, 78; Шишлов А. В. Археологические памятники г. Новороссийска и история их исследования // Исторические записки. Исследования и материалы. Вып. 2. Новороссийск, 1996. С. 56; Армарчук Е. А., Малышев А. А. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир—М., 1997. С. 92—114.
7. Минеев М. Г. Исследование и охрана памятников археологии на территории Геленджика // Материалы к научно-практическому семинару археологов на тему: «Итоги полевых исследований археологических памятников Краснодарского края в 1982—1983 гг. и задачи на 1984—1985 гг.». Краснодар, 1984. С. 18, 19; Он же. К вопросу формирования средневековой адыгской общности // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1985 г. Л., 1986. С. 11, 12; Носкова Л. М. Исследование средневековых курганов в пос. Кабардинка // Археологические раскопки на Кубани в 1989—1990 гг. Ейск, 1992. С. 59—61.
8. Сизов В. И. Указ. соч. С. 148—150.
9. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1894 г. С. 85.
10. Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. № 62. С. 173; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966. С. 131, 250, 251.
11. Плетнева С. А. Указ. соч. С. 173.
12. Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 250.
13. Алексеева Е. П. Очерки по истории... С. 16; Она же. Материальная культура... С. 171, 182, 183; Стрельченко М. Л. Указ. соч. С. 5.
14. Алексеева Е. М. Очерки по истории... С. 17; Она же. Материальная культура... С. 183.
15. Дмитриев А. В. К вопросу... С. 77, 78.
16. Дмитриев А. В. К вопросу... С. 77, 78; Он же. Новороссийск в древней истории Отечества // Исторические записки. Исследования и материалы. Вып. 2. Новороссийск, 1996. С. 70.
17. Армарчук Е. А., Малышев А. А. Указ. соч. С. 112.
18. Зеленский Ю. В. Половцы в Прикубанье и Закубанье // Древности Кубани. Вып. 5. Краснодар, 1997. С. 26.
19. Шишлов А. В. Указ. соч. С. 56.
20. Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х гг. XIX в. // Кавказский этнографический сборник. IV. М., 1969. С. 76.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Меретуков К. Х. Адыгейский топонимический словарь. Майкоп, 1981. С. 17.
25. Плетнева С. А. Половцы. М.: Наука, 1990. С. 176—180.
26. Малахов С. Н. Алано-византийские заметки (II) // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир—М., 1997. С. 153, примеч. 8.
27. Плетнева С. А. Половцы. С. 186—188; Малахов С. Н. Указ. соч. С. 138, 153, примеч. 8.
28. Половинкина Т. В. Черкесия — боль моя. Исторический очерк (древнейшее время — начало XX в.). Майкоп, 1999. С. 32.
29. Дмитриев А. В. К вопросу... С. 77, 78; Армарчук Е. А., Малышев А. А., Указ. соч. С. 111, 112.
30. Дмитриев, А. В. К вопросу... С. 78.
31. Новичихин А. М. Курганное погребение... С. 73.

Сведения об авторе:

Новичихин Андрей Михайлович,
канд. ист. наук, доц. каф. общегуманитарных
и социально-экономических дисциплин фи-
лиала СГУТиКД в г. Анапа (Анапа).